

Ирина Шнитке: «Мы с мужем не уезжали в Германию!»

Анна ВЕТХОВА

Сегодня в Москве завершается Международный фестиваль Альфреда Шнитке. 24 ноября композитору исполнилось бы 70 лет. На сцене Большого зала Московской консерватории выступили Юрий Башмет и «Солисты Москвы», Татьяна Гринденко и Олег Крыса, Гидон Кремер и «Кремерата Балтика», Владимир Спиваков и «Виртуозы Москвы», «Кронос-квартет» и Роман Кофман... Сегодня вместе с румынским дирижером Ионом Марином и Национальным филармоническим оркестром России сыграет Наталия Гутман. И, конечно, в этом фестивале принимала участие вдова композитора, пианистка Ирина ШНИТКЕ.

— Ирина Федоровна, вы помните, когда впервые услышали музыку Шнитке?

— Да, конечно. Это произошло примерно через год после того, как мы познакомились. Дело в том, что, когда я поступала в консерваторию, по специальности у меня все было хорошо, а вот с гармонией я не справилась. Пришлось год готовиться, а уроки мне давал Альфред Гарриевич. Мы начали с ним заниматься в январе, весной стали ходить вместе на концерты... Потом наступил перерыв в нашем общении, я поступила в Гнесинский институт... Мы снова встретились только зимой. И с этого момента стали видеться уже каждый день. Вот тогда он мне впервые дал послушать свои студенческие сочинения, а потом — ораторию «Нагасаки». Ну а дальше мы уже все время были вместе, и я слушала, все, что он писал.

— Как вы начали общаться с новой музыкой? Это было сложно?

— Я, как и многие, выросла на классике. Все, что дальше Прокófьева и Шостаковича, мне казалось очень сложным. И когда я встретилась с Альфредом Гарриевичем,

чем, как и большинство, ничего не понимала в современной музыке. Многие мне не нравились: только потом я поняла, что искусство не нравится только тогда, когда мы его не понимаем. Самое главное — захотеть понять, захотеть услышать. Я работала для себя такое правило: брала одно сочинение и слушала его каждый день, пока не начинал работать эффект переводной картинки, когда бледная часть изображения постепенно сходит и медленно проявляется яркий рисунок. И вот когда это происходило, когда музыка становилась для меня ясной, я начинала получать большое удовольствие. Мне был интересен сам процесс такого познания, и первые два года я таким образом училась — проходила новую школу. Альфред Гарриевич старался услышать и узнать все, что происходило на Западе в области новой музыки, а сюда ведь мало что попадало. Многие вещи открыл нам Эдисон Денисов, который каким-то чудом доставал записи и ноты. Обычно несколько человек собирались у нас и знакомились с тем, что Денисов принес. Помню, как мы впервые слушали «Моисея и Аарона» Шёнберга с партитурой — это было невероятно. Кстати, не только в России, но и в мире, я постоянно слышу рассуждения о том, что современную музыку публика плохо воспринимает. Но если бы мы не прочли ни одного литературного произведения, написанного после Льва Толстого, то мы, наверное, остановились бы в своем развитии. Так почему в области музыки такой подход считается нормальным? Мне странно, что этот факт уходит из поля зрения людей, занимающихся культурой. Думаю, что давно пора пересмотреть программы музыкального образования на уровне музыкальных школ. Я много преподавала и пришла к выводу, что дети восприимчивы к любым звукам, к любым мелодиям — и благозвучным, и сложным. Они прекрасно запоминают и воспринимают все, потому что они в отличие от взрослых, сложившихся лю-

дей, еще не находятся в плену каких-то стереотипов. Публику надо растить, а не идти у нее на поводу, надо воспитывать вкус к музыке высокого качества, будь то академическая традиция, рок или поп-культура.

— А Альфред Гарриевич делал вам замечания, когда слушал ваши прочтения его сочинений?

— Очень мало, честно говоря. Но одно его пожелание было очень важным. В некоторых камерных сочинениях Шнитке в партии рояля написал такую тихую звучность, что это почти неисполнимо. Практически невозможно извлечь из инструмента такой тихий звук. Громко ведь все играть умеют, а чтобы сыграть тихо, нужно большое мастерство. И когда этим овладеешь, исполнение доставляет море удовольствия.

Альфред Гарриевич посвятил мне Вторую фортепианную сонату. Я всегда играла ее по-разному, и всегда перед концертом я ему говорила, что он может сколько угодно ругаться, но услышит сегодня совсем другую вещь. И как-то раз он попросил меня больше никогда ничего ему не говорить: «Можешь играть как угодно, меня все твои версии устраивают». Конечно, было очень приятно услышать от него такие слова.

— Почему вы с мужем решили уехать в Германию?

— А мы не уезжали! Я всех поправляю: все считают, что мы уехали из России туда жить. Газеты об этом писали, даже фильм сняли, как мы уезжаем, хотя на самом деле в этом фильме показан момент нашего переезда с одной квартиры на другую, а квартиры эти находились в соседних домах. Между тем голос за кадром рассказывал, что мы покидаем страну. Мы поехали в Берлин, потому что Альфред Гарриевич получил стипендию от крупного фонда, благодаря которой в течение 10 месяцев мы могли там жить. Тогда он написал Второй виолончельный концерт для Ростроповича. А за это время ему предложили работать в Высшей школе музыки в Гамбурге. Там рас-

полагалось и нотное издательство, которое выпустило больше всего сочинений Шнитке, и его балет «Пер Понт» шел в гамбургском театре, и был договор с Гамбургской оперой о постановке «Фауста»... Одним словом, много было рабочих моментов — контрактов, обязательств, и получилось, что в Германии мы задержались, хотя приезжали в Москву каждые месяц-полтора. Как-то мы привезли в Германию и нашего сына, он там женился. Вот до сих пор мы с ним так и живем, то здесь, то там.

— Вы не жалеете, что спичечной жизни у вас было меньше, чем могло бы быть?

— Я стала играть поздно. Это было продиктовано, ко-

нечно, условиями нашей жизни. Невозможно учить на рояле Шопена или Листа в то время, как рядом другой человек сочиняет или слушает музыку. Я сознательно отказалась от исполнительства, потому что с самого начала почувствовала, какой огромный, невероятный потенциал у Альфреда Гарриевича. И я понимала, что должна его поддерживать, должна помочь ему выразиться полностью. Нисколько не жалею об этом: сейчас я поступила бы также. Другое дело, что с нынешним моим опытом я бы смогла найти возможность не отказываться на такой долгий срок от исполнительства. Альфред Гарриевич даже считал себя виноватым

Если бы мы не прочли ни одного литературного произведения, написанного после Льва Толстого, мы остановились бы в своем развитии. Так почему в области музыки такой подход считается нормальным?

ИТАР-ТАСС

Ирина Шнитке

20.10.08